

Рецензии

Рец. на кн.: Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. — М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. — 488 с.; ил. (Studia historica).

Книги ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Н.А. Соболевой, авторитетнейшего специалиста по русской символике, неизменно вызывали повышенный интерес самой широкой читательской аудитории, что превращало их сразу после выхода в интеллектуальные бестселлеры и библиографические редкости. Не исключением является и новое фундаментальное издание Надежды Александровны, продолжающее освещение проблем становления и развития официальных знаков русской государственности.

Актуальность обозначенной на титуле темы более чем очевидна. Дело даже не в том, что она попадает в «main stream» новомодного направления европейской историографии — потестарной имагологии, ориентированной на изучение образов власти, способов и форм ее репрезентации во внешний мир. Самому автору рецензируемой книги, скорее всего, претит приверженность модным веяниям, и она едва ли признает причисление к такому мыслительному течению. Гораздо большее значение имеет реальная важность самой властной символики, понимание ее основ и глубинных, не всегда вербализированных смыслов в определении политической и культурной идентичности того метасообщества, каковым являлась в далеком и недавнем прошлом и продолжает оставаться Россия.

Дискуссионный заряд достигает максимума уже в первом очерке, посвященном так называемому «знаку Рюриковичей». Начиная с Н.М. Карамзина, впервые назвавшего этот

самый ранний символ русской власти «трезубцем», его считали то знаком собственности потомков Рюрика, то «гербом князя Владимира», то «норманнским родовым знаменем», то навершием скипетра скифских царей. Число интерпретаций и толкований многозначной эмблемы продолжало множиться до бесконечности. В «трезубом» знаке первых киевских князей видели и птицу (ворона или голубя), и светильник, и хоругвь, и якорь, и оружие, и даже храмовый портал. Через выстраивание порой достаточно изощренных аналогий пытались отыскать ключ к постижению смысла «трезубца» как знака сакральной власти правителя Древней Руси: в нем усматривали сходство с головным убором восточных властителей или шлемом норманнских военных предводителей; видели похожесть на лабарум или акакию устроителей византийского таксиса; отмечали аллюзию на зороастрийский алтарь сасанидских шахов; находили тождество с магическим «лилейным узлом», использовавшимся для приворота удачи и заклеивания зла; сравнивали с рунами, геометрическим орнаментом восточного или нордического происхождения.

Автор, отталкиваясь от более чем семьдесят лет назад высказанного суждения Н.П. Лихачева о тюркской тамге как возможном прототипе «знака Рюриковичей», рассматривает его появление в контексте ориентальных политико-культурных влияний. Из них Н.А. Соболева выделяет не столько тюркские, сколько иранские традиции сакраль-

ной образности, транслировавшиеся в славянские общности через хазарское посредничество.

Рассуждения исследователя корреспондируют с утверждающейся в последнее время концепцией «русского каганата»¹. Остается дискуссионным вопрос о границах и времени существования этого государственного образования, роли хазарского элемента в его устройстве и основании столицы — Киева. Однако становится все более очевидным сохранение титула «каган» за правителем древнерусского государства и соответствующего ему эмблематического оформления не только в IX в., но и позднее, в X—XI и даже в XII вв., когда Русь уже более двух столетий была христианской. Сказывалась консервативность политического мышления, традиций дипломатического общения, когда русский каганат, вытеснив в середине X в. Хазарский каганат, выступал субъектом международного права в сложном евразийском геополитическом пространстве наряду с Византийской империей и Аббасидским халифатом.

Н.А. Соболева воспринимает «трезубец» как сакральный, магический символ, реликт языческих верований. Он соответствовал архаическим представлениям о трехчастности социального миропорядка. Первый страт осуществлял господство и управление; второй — олицетворял физическую силу, а третий представлял плодородие и богатство. Соответственно и правитель призван был осуществлять три функции — магико-юридическую, военную и экономическую. «Трезубец», кроме того, соотносился с двойной триадой божественных сил: Перун — Мокошь, Хорс — Симаргл, Дажьбог — Стрибог. Если первая пара божеств имела славянские корни, то две следующие пары, несмотря на сохраняющиеся различия в оценке и понимании историками, восходили к хазарско-иранскому культурному наследию. Подобные пары определенно выстраивались по принципу бинарных оппозиций: разрушение — созидание, свет — тьма, зло — добро. В этой связи уместно напомнить о наиболее архетипических представлениях на природу высшей власти государя, восходящих к римско-имперской, эллинистической и еще глубже к шуме-

ро-аккадской традиции, согласно которой правитель мыслился как воплощение трех богов — небесной, земной и подземной сфер.

Весьма примечательно наблюдение автора о синхронности существования «трезубого» символа власти и титула «каган». Как только в XII в. хазарский обычай титулования русского правителя вытесняется титулом «князь», исчезает из официального обращения и «трезубец».

Справедливо замечание Н.А. Соболевой о слабой изученности средневековой русской потестарной символики периода раздробленности. До сих пор анализировались лишь ее отдельные элементы без попыток рассмотрения знаков властвования в их взаимосвязи и определенной системе. Таковую систему образуют трон («стол», престол), на котором восседал правитель; головной убор (камелавкий, пирамидальная, остроконечная или шарообразная шапка, венец, корона, тиара); скипетр (посох-крест, лабарум) и держава; золотая гривна; шлем и меч; стяг, появившийся с XII в.; важным символом государевой власти стали красные одежды и красные сапожки, отразившие влияние византийского церемониала. Значимы и правила изображения правителя в официальной иконографии. С XI в. на Руси получил распространение образ князя, восседающего верхом на коне, так называемый «ездец», соотносившийся со св. Георгием. С начала XIV в. стало складываться легендарное предание о великокняжеских регалиях, которые были предоставлены в качестве дара от самих византийских императоров Владимиру Святославичу по случаю принятия им христианства и бракосочетания с византийской принцессой. В различных модификациях легенды, получившей распространение не только в русских землях, но и далеко за ее пределами (существуют ее трансляции позднесредневековыми итальянскими и испанскими авторами), менялось время, место, персонажи и даже перечень регалий. В частности, в одной из версий говорилось, что вручение регалий происходило в Кафе не кем иным, как геновским консулом этого крымского города. В действительности, как показали исследования современных искусствоведов, одна из самых знаменитых инсигний великого

¹ Седов В.В. Русский каганат IX в. // Отечественная история. М., 1999. № 4. С. 3–15; Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С. 108–135; Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.

князя — «шапка Мономаха» — оказалась не византийского, а татарского происхождения.

Среди символов власти, способных репрезентировать самую идею державы на всем расширявшемся пространстве Руси и за ее пределами, едва ли не определяющее место занимают печати. Неудивительно, что именно им посвящены несколько очерков рецензируемой книги.

Прежде всего, Н.А. Соболевой решается вопрос о происхождении самого института печати. Не задерживаясь на уже рассматривавшихся «довизантийском» типе булл, каковой являлась булла Святослава, византийском типе металлических вислых булл, применявшихся в древнерусской дипломатической практике в XI–XIV вв., автор переходит к проблеме появления воскомастичных печатей на Руси, вытеснивших металлические к концу XIV в. Обычно это изменение связывают с усиливавшимся вектором западного влияния, указывая в качестве посредника Литву. Однако, по справедливому заключению исследователя, здесь нельзя исключать византийского обычая ставить оттиски императорского перстня на воске при скреплении простагм. Но в еще большей степени необходимо учитывать балканское влияние, основным центром которого выступала Сербия. Автором убедительно показано воздействие сербского праксиса составления грамот на древнерусское актовое производство: в использовании бумаги; в преобладании односторонних вислых воскомастичных печатей; введении круговой легенды; в изображении вооруженного всадника. Через посредничество Сербии на Русь распространялись новые западные веяния. К концу XV в. в русском искусстве печати окончательно утвердились западноевропейские образцы.

Принципиальная открытость сфрагистических памятников ко все новым и новым интерпретациям, всегда остающаяся незавершенность самого полного сигиллографического исследования с особой остротой ощущаются в сюжете, посвященном великокняжеской печати Ивана III 1497 г. Казалось бы, об этом уникальном памятнике, где впервые встречается герб русского государства, сказано с исчерпывающей полнотой. Ему посвящены сотни, если не тысячи, работ на самых различных языках мира. По случаю 500-летия герба проводились крупные научные конференции, выходили в

свет монументальные издания. Однако, как блистательно продемонстрировала Н.А. Соболева, этот феноменальный источник продолжает таить еще немалый ресурс нового знания.

Автору удалось провести филигранный иконографический анализ печати и получить принципиально новые результаты. Возможность византийского влияния на формирование русского символа двуглавого орла была поставлена под сомнение еще Н.П. Лихачевым. Американский исследователь Г. Алеф выдвинул идею имперских амбиций Ивана III, стремившегося достигнуть равенства с императорским домом Габсбургов и потому имитировавшего его символику. Однако происхождение этого символа оказалось более сложным. Впервые двуглавая птица отыскивается в сакральных рельефах шумеров. Позднее эту эмблему использовали персы. Похожий знак орла с двумя головами встречался на монетах арабов и сельджуков. Подобное изображение использовалось и в Византии, однако оно не имело геральдического смысла. Западноевропейцы познакомились с ним в ходе третьего и четвертого Крестовых походов. Тогда символ двуглавой птицы появился в гербах европейской знати. У Фридриха II Штауфена, короля Иерусалимского, Сицилийского и Германского, императора Священной Римской империи, символом был двуглавый и даже трехглавый орел.

Н.А. Соболевой на основе сравнения иконографии орла русской печати 1497 г. и аналогичных изображений византийского, германского, итальянского и балканского происхождения удалось убедительно показать влияние итальянских традиций.

Мысль об «итальянском следе» в становлении русской официальной эмблематики получила дальнейшее подтверждение при анализе изображения на другой стороне печати. Здесь помещен всадник, поражающий змея. По поводу этого образа также нет недостатка во мнениях. Его считали св. Георгием, совершающим «чудо о змие», почитание которого на Руси прослеживается с X в.; тезоименником Юрия Долгорукого, основателя Москвы; защитником православия от татар; князем, отстаивающим Русь. Светский характер изображения, отсутствие нимба, отличавшего святого, круговая легенда с именем Ивана III как будто убеждают в том, что это мог быть символический образ «Великого князя всея Руси».

Однако в противовес этому общему суждению автор осторожно высказывает тезис о связи «Драконоборца» государственной печати с утверждающимся палладиумом святых покровителей средневековой России. Среди них св. Георгий, определенно, занял первенствующее положение. Его образ был введен в деисусный чин; на Фроловской башне Кремля была установлена скульптура этого святого. Он стал восприниматься защитником православия, личным патроном великого князя. Подчеркивается не героический, «церковный» поворот фигуры — не налево, что соответствовало правилам геральдики, а направо. Столь же тщательно проведенный сравнительный анализ образа св. Георгия на печати Ивана III и графики подобных же византийских и западноевропейских образов привели автора к весьма основательному наблюдению о стилистической близости иконографии русской печати к образцам Северной Италии эпохи кватроченто. Исследователь смог выделить даже индивидуальный стиль гравера, изготовившего матрицу, «руку мастера». По мнению ученого, возможными резчиками печати были итальянцы Карло из Милана и Джан Антонио. В Москве конца XV в. это были далеко не единственные итальянские мастера. Там действовали Алессандро, Якопо, Аристотель Фиорванти и др. Они были причастны к монетному и литейному делу, чекану золотой монеты, строительству Кремля. Большинство из них оказалось в русской столице после падения Кафы в 1475 г. и завоевания Крыма турками. Как раз факт изготовления образа «Драконоборца» иностранцем, итальянским резчиком, не позволял русскому сознанию «узнать» во всаднике св. Георгия, и поэтому его предпочитали обозначать нейтрально — «ездец».

Несомненный интерес представляет очерк Н.А. Соболевой о большой государственной печати Ивана IV, где автором предлагается ее новая датировка. На обеих сторонах печати был изображен двуглавый орел с одной короной между головами; на груди орла лицевой стороны помещен всадник, поражающий змея; на груди орла оборотной стороны — единорог. По кругу изображены 24 печати подвластных царю земель — по 12 с каждой стороны. Анализ этих малых печатей и позволял историкам высказывать различные предположения о времени создания большой печати. Немецкий ис-

торик Г. Штекль, обращая внимание на малую печать Полоцка, утверждал, что большая печать могла быть изготовлена в 1563–1579 гг., потому что этот город был присоединен к России в 1563 г. и отнят польским королем в 1579 г. Н.А. Соболева проанализировала наиболее туманные печати Вендена, Риги и Ревеля. Венден был взят русскими войсками в начале сентября 1577 г. и отбит польско-литовскими и шведскими отрядами 21 октября 1578 г. Рига и Ревель так и не стали русскими, но осенью 1577 г. существовали наиболее реальные шансы их взять; в Европе даже распространился слух о русских войсках в этих городах. Печать невольно отразила эйфорию побед русского оружия осени 1577 г., когда она и была вырезана. На той же большой печати помещены эмблемы крайних восточных областей — «печать Обдорская» и «печать Югорская», на которые распространялась власть русских государей уже до официального присоединения Сибири.

Не обойдена Н.А. Соболевой одна из самых мифологизированных идеологем русской политической культуры — «Москва — Третий Рим». В последнее время стали настойчиво раздаваться голоса о мифичности этой идеи для России XVI в. Утверждается, что сочинение Филофея, монаха Псковского монастыря, с именем которого может быть связана подобная концепция, оставалось неизвестным вплоть до второй половины XIX в., вплоть до публикации в трудах Казанской духовной академии. Однако Надежда Александровна показывает, что эта идея, не имея такого емкого, доведенного до девизности словесного выражения, владела умами русской политической элиты много раньше. В частности, ею отмечается «греческий проект», обсуждавшийся в кругах русских интеллектуалов во второй половине XVIII в. Он предусматривал восстановление «Древней Греческой империи» с центром в Константинополе. Внук императрицы Екатерины II, Константин, готовился в императоры. Как раз тогда распространилось эллинофильство, давшее начало русской науке о классических древностях.

Если печати и гербы как основа государственной символики имеют давнюю и плодотворную традицию изучения, то знамена, имевшие не меньшее значение в официальной политической репрезентации, принадлежат, пожалуй, к наименее освоенному объекту исторического познания. Вексиллология,

особая отрасль исторической науки, ориентированная на изучение знамен, флагов, штандартов, много моложе сфрагистики и геральдики. В этой связи заслуживает особой поддержки основательный очерк Н.А. Соболевой о русских знаменах. Он содержит ценный экскурс в историю использования знаменных знаков на Древнем Востоке, в эллинистических державах, Древнем Риме, Византийской империи и средневековых государствах Западной Европы. Приводится разбор древнеримской и средневековой терминологии, применявшейся для обозначения знамен различного типа. Сложность вексиллографического исследования состоит в отсутствии сохранившихся от отдаленного времени подлинных знамен. Их приходится изучать по древним и средневековым изображениям на рельефах, монетах и печатях, по миниатюрам средневековых манускриптов. Очень ценным источником выступает трак-

тат Яна Длугоша «*Banderia Prutenorum*» (XV в.), где приводятся описания и изображения знамен-трофеев, доставшихся польскому королю Владиславу II Ягеллону после Грюнвальдской битвы 1410 г. К этому, пожалуй, можно добавить изображения штандартов на итальянских морских картах XIV–XV вв., отмечавших сюзеренную принадлежность тех или иных городов и портов как на Западе, так и на Востоке.

Еще менее освещенной сферой истории властной символики предстают гимны. И особо отрадно, что подобному сюжету нашлось место в книге Надежды Александровны.

В целом, новое исследование Н.А. Соболевой, выполненное в лучших традициях междисциплинарной истории, заметно продвигает вперед знание о происхождении и развитии наиболее фундаментальных символов русской государственности.

А.Г. Еманов

Люди из дворца на острове Ситэ

Рец. на кн.: Цатурова С.К. *Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV века.* — М.: Логос, 2002. — 384 с.; ил.

Открывая книгу, первое, что может подумать читатель: «Еще одно исследование о модной нынче истории власти. Да и название уж очень злободневное!». Между тем, рецензируемая монография представляет собой серьезное академическое исследование, выполненное в русле активно возрождающегося в науке направления политической истории. На основе анализа протоколов Парижского парламента начала XV века и личных заметок двух секретарей-греффье, С.К. Цатурова рассматривает работу Верховного суда Франции, отраженную в своего рода «коллективном» мнении его служителей. Профессиональный и индивидуальный облик чиновничества, сущность парламентской корпорации и самоидентификация ее работников, место парламента в политической жизни — именно эти вопросы интересуют автора. Размышляя над ними, исследовательница пытается показать связь между функциями института парламента и общественным обликом его чиновников или, иными словами, понять взаимовлияние человека и учреждения.

Основным источником для исследования послужила выборка из архивов Парижского парламента — так называемые «Дневники» секретарей по гражданским делам Николя де Бая и Клемана де Фокамберга за период с 1400 по 1436 г. Этот весьма любопытный источник был составлен его издателем А. Тюэтэ, который выбрал из протоколов парламента все заметки, содержащие мнения секретарей о происходящем в суде, и опубликовал их как дневники: год за годом, день за днем. Несмотря на всю неоднозначность издания, это чрезвычайно богатый материал, который дал возможность автору проследить организацию работы парламента, формирование корпорации чиновников, и степень их влияния на первое и второе.

Первая глава монографии — а по сути «вторая», поскольку книга предваряется обширным введением — посвящена профессиональному облику служителей парламента. «Работа прежде всего» — именно таким мог быть девиз судейских чиновников. Что бы ни случилось: будь то война, политический кризис или лютый мороз — чиновник должен был